

ДЕЛО ПРЕСВИТЕРА УФИМСКОЙ ОБЩИНЫ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ 1946 ГОДА

THE CASE OF THE PRESBYTER OF THE UFA COMMUNITY OF EVANGELICAL CHRISTIANS-BAPTISTS OF 1946

A. Aleksandrov

Summary. The article deals with the post-war history of the Ufa community of Evangelical Christians-Baptists. The source was a criminal investigation case initiated against the presbyter of the community D.S. Usachenko on charges of "anti-Soviet propaganda". The circumstances of the criminal prosecution of the presbyter of the community revealed the difficulties of the post-war formation of the Evangelical movement of Bashkiria. The conclusion is made about the relativity of religious policy mitigation in the post-war period.

Keywords: Evangelical Christians-Baptists, repression, religion, Christianity, religious policy.

Александров Алексей Павлович

Доцент, Бирский филиал Башкирского государственного университета (г. Бирск)
alexei.a.p20@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается послевоенная история Уфимской общины евангельских христиан-баптистов. Источником послужило уголовно-следственное дело, возбужденное в отношении пресвитера общины Д. С. Усаченко по обвинению в «антисоветской пропаганде». Обстоятельства уголовного преследования пресвитера общины выявили трудности послевоенного формирования евангельского движения Башкирии. Делается вывод об относительности смягчения религиозной политики в послевоенный период.

Ключевые слова: евангельские христиане-баптисты, репрессии, религия, христианство, религиозная политика.

Всенародные испытания в Великой Отечественной войне внесли существенные коррективы в сталинскую религиозную политику. В 1943 году после пятнадцатилетнего периода жестоких репрессий начинается относительная либерализация во взаимоотношениях государства и существующих в стране религиозных конфессий. Относительно евангельских христиан и баптистов сталинская либерализация выразилась, прежде всего, в том, что в октябре 1944 г. был воссоздан руководящий орган баптистов — Всесоюзный Совет Евангельских Христиан и Баптистов (ВСЕХ и Б). Начинают открываться прежде закрытые молитвенные дома, церкви наполняются верующими [5, С. 63].

Однако пришедшая в церковь свобода была условной. Власть по-прежнему, стремилась держать руку на пульсе церковной жизни, жестко пресекая любые отклонения от заданной правительством линии. Ситуация осложнялась тем, что в церквях отсутствовали опытные служители, способные проявить мудрость во взаимоотношениях с властью. В некоторых случаях это приводило к неожиданным проблемам, как произошло в Уфимской общине евангельских христиан в 1946 году.

Со времени ареста многолетнего пресвитера Павла Николаевича Качинского в 1936 году, Уфимская община евангельских христиан находилась на нелегальном положении и не имела своего руководства. Собрания

проводились по домам верующих [2, С. 70]. В начале мая 1945 года из Сибири в Уфу приехал Усаченко Дмитрий Сергеевич. Назвавшись верующим, он стал посещать собрания. Уже в июне 1945 года его избрали пресвитером общины. Подобная поспешность, скорее всего, была вынужденной. С января 1945 года община ставила перед властями вопрос об открытии молитвенного дома. Для этого нужен был служитель церкви, который смог бы на себя взять ответственность быть пресвитером. Для того чтобы детально разобраться в доктринальных взглядах и компетентности кандидата, у общины не было ни времени, ни возможности.

Служение Д.С. Усаченко было недолгим, продолжаясь до конца ноября 1946 года. В этот период община, наконец, зарегистрировалась в органах власти и приобрела собственный молитвенный дом по адресу: Уральский проспект, дом 1. Продолжался количественный рост церкви. Неожиданным образом служение Усаченко было прервано арестом органами безопасности 30 ноября 1946 года. Арестован он был по ст. 58, п. 10 ч. 1 УК РСФСР («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений»). Почти одновременно с ним были арестованы и трое других членов церкви: Пугачев Алексей Васильевич, Михальченко Петр Тихонович, Масленников Федор Миронович.

Основанием для ареста послужило следующее. Из постановления на арест Усаченко Д. С.: «Усаченко, занимая пост пресвитера Уфимской общины евангельских христиан-баптистов, используя свое положение, под прикрытием распространения баптистского учения, открыто выступает на собраниях общины с антисоветской агитацией и клеветой на Советскую действительность. Так, в августе 1945 года на собрании общины Усаченко трактовал о скорой гибели мира и появлении антихриста, говорил: «С появлением Советской власти появилась звезда, которая известила нас о появлении антихриста. Скоро будет конец мира, свет погибнет в конце 1946, или, в крайнем случае, в 1947 году. Нужно молиться Богу, пока двери открыты, а потом будет поздно».

Зимой 1946 года Усаченко по тому же вопросу среди верующих говорил: «Когда родился Христос, на востоке появилась звезда, которая мудрецов привела на поклонение, так и пятиконечная звезда появилась с рождением антихриста. Сейчас 28 лет существует Советская власть и 28 лет с того времени как появился антихрист». В августе 1945 года Усаченко на собрании общин евангельских христиан-баптистов также свел свою проповедь к антисоветским выпадам, заявив: «Израильский народ ходили с манной и были сыты, а мы получаем по 300 гр. хлеба и молчим. Разве не правда, что мы сидим голодом». В октябре 1945 г. во время проповеди на собрании общины Усаченко, обратившись к присутствующим, заявил: «Братья и сестры и все присутствующие. Вот вам факт, доказывающий правоту нашего святого дела. Когда руководители Советской власти запрещали народу верить в Бога и исполнять религиозные обряды, то Бог отвернулся от нас, и немцы нас били, и войска несли большие потери. Благодаря только тому, что в это дело вмешались союзники наши, под их нажимом Советская власть пошла на уступки и открыла церкви. Воины Красной армии уверовали в Бога и разбили врага». В октябре 1946 года на одном из собраний баптистов Усаченко выступал против донорства и сдачи крови раненым воинам Краской армии, заявив: «Друзья мои, Боже упаси, чтобы кто-нибудь из вас стал продавать кровь свою. Это является большим грехом, потому что кровь дана Богом, а вы знаете, братья и сестры, что Иуда продал кровь Христа — предал Его» [1, Л.3].

Как видно, несмотря на значительные послабления верующим, власть по-прежнему очень ревностно относилась к любым публично сказанным критическим замечаниям и быстро их пресекала. Содержание «противозаконных» высказываний требует разъяснения. С одной стороны, в библейски обусловленном мировоззрении баптистов агрессивна атеистическая советская власть и есть проявление духа грядущего антихриста. Как еще им оценивать систематически уничтожающую верующих всех конфессий власть, имея перед собой эсхатологиче-

ские пророчества Библии о суде над греховным миром и втором пришествии Иисуса Христа. В этом смысле, сама по себе христианская церковь уже является антисоветской организацией, следовательно, в словах пресвитера ничего предосудительного нет. Таким образом, его смело можно было бы называть борцом за истину, как не побоявшегося открыто провозгласить свои убеждения [3, С. 388].

Однако, с другой стороны, изначально баптисты признавали любую власть «как существующую от Бога». «Мы веруем, что правительства от Бога установлены, что Он облакает их властью для защиты добрых и наказания злых... Мы считаем себя также обязанными по Божьему повелению молиться за правительство, чтобы оно, по Его воле, и под Его милостивой защитой, так употребляло вверенную ему власть, чтобы сохранить мир и правосудие» [4, С. 325]. Несвойственны доктринам баптистской веры утверждения о привязке прихода антихриста с конкретными датами (установление советской власти) или символами (пятиконечная звезда), а также о недопустимости сдачи крови. В устах Усаченко разделяемое и без того всеми баптистами мнение о безбожном характере советской власти, приобрело через описанные сравнения особую остроту, затмевая собой обязанность верующих уважать и молиться за власть. Об этом же говорят бесперспективные проповеднические выпады о голоде, вольные трактовки событий Великой Отечественной войны. Подобные же ноты, помимо прочего, мы слышим в словах других членов общины, арестованных вместе с ним.

Из постановления о предъявлении обвинения Пугачеву Алексею Васильевичу: «В июле 1946 года Пугачев говорил: «28 лет назад на земле появилась красная звезда, и вместе с ней родился антихрист, который царствует уже 28 лет. Царство антихриста должно продлиться 37 лет и тогда наступит конец этой красной звезде и советской власти — власти антихриста» [1, Л. 52].

Высказывания пресвитера вызвали неоднозначную реакцию церкви. Из показаний члена Уфимской общины, фамилию которого не называем: «В сентябре или октябре 1946 года на одном из собраний Уфимской общины евангельских — христиан — баптистов выступал с проповедью пресвитер Усаченко Дмитрий Сергеевич. На какую тему была в этот день проповедь и ее содержание я не могу вспомнить. Но я хорошо помню, что в конце проповеди Усаченко вопреки христианскому учению, выступил против доноров, что сдавать кровь советским воинам, или, как он выразился, продавать свою кровь, является большим грехом и призывал братьев и сестер не сдавать свою кровь. В то время как по христианскому учению говорится «нет больше той любви, как положить свою душу за ближнего». И я знаю, что во время Отече-

ственной войны благодаря донорству было спасено много советских воинов. Лично я, а также другие присутствующие члены общины, таким выступлением Усаченко были возмущены...» [1, Л. 141].

Подобное мнение разделяло большинство общины. В конце октября 1946 года (за месяц до ареста) церковью было принято решение послать телеграмму во Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов с просьбой прислать уполномоченного для разбора поведения Усаченко. Скорее всего, такая молниеносная реакция общины на доктринальные отклонения пресвитера связана не только с боязнью быть заподозренными в антисоветской деятельности. Только что закончившаяся Великая Отечественная война оставила живой след в памяти людей.

Другой свидетель по делу говорит об этом так: «Примерно недели через три после выступления Усаченко на одном вечернем собрании среди членов общины был поднят вопрос о неправильном выступлении Усаченко. Все стали возмущаться. Я лично была вынуждена выступить перед присутствующими и сказать: «Если из-за кафедры будут говорить такую несправедливость, то я считаю это лжеучением»» [1, Л. 143].

Как оказалось, обнаружившийся радикализм во взглядах Усаченко не был случайным. В процессе следствия открылись неизвестные ранее подробности биографии Д.С. Усаченко. Первоначально он утверждал, что родился в 1879 году в с. Татарка Видиопольского района Одесской области. С 1900 по 1905 год служил в царской армии в 27 Украинском полку. После демобилизации проживал на родине до августа 1941 года, когда был эвакуирован в г. Алма — Ату. Прожив там некоторое время, он перебрался в Джамбул, затем с. Октябрьское Джалал-Абадской обл. Киргизской ССР. Оттуда в начале мая 1945 года приехал в Уфу. В 1909 году, а также перед отъездом в Уфу из с. Октябрьское был пресвитером баптистских общин. Судимостей не имел. Почти все члены семьи (жена, трое сыновей, четыре дочери) в разные годы умерли. Единственный сын находился на военной службе.

Позднее, после следственных проверок, на одном из допросов Дмитрий Сергеевич признался, что родился не в 1879, а в 1891 году в селе Ново-Петровка Херсонского уезда. В 1913 году вместе с родителями переехал в Алтайский край, с. Белозерка Славгородского района, где проживал до 1923 года. Затем в течение 2-х лет проживал на родине, откуда был вынужден снова уехать в Сибирь. В 1930 году по приглашению зятя выехал на жительство в г. Джалал-Абад, где трудился разнорабочим на различных предприятиях. В 1933 году вернулся в Сибирь, где в 1936 году был осужден на один год принудительных

работ за неуплату сельхозналога. Во время отбытия наказания жена вышла замуж за другого мужчину, а сам Дмитрий Сергеевич вскоре после освобождения вновь был осужден уже на 5 лет. После освобождения в конце 1940 года, на жительство приехал в г. Алма-Ату. До мая 1945 года шесть раз переезжал с места на место, нигде не задерживаясь надолго. В 1942 году, получая новые документы взамен сгоревших во время пожара, с целью избежать мобилизации приписал себе 12 лет. В мае 1945 года, договорившись с верующей баптисткой, едущей в Уфу, прописаться в ее пропуске на переезд, приехал в Уфу, где спустя месяц был избран пресвитером общины [1, Л. 15–17].

Как видно из показаний верующих Уфимской церкви, пребывая в Уфе, Усаченко не только не рассказывал своей подлинной биографии, но и несколько приукрашивал свое прошлое. Из показаний свидетеля по делу: «При первом знакомстве с ним Усаченко зарекомендовал себя человеком, обиженным советской властью. О себе он рассказал, что до революции был крупным помещиком. Имел свои поместья в различных городах Украины, Сибири, Казахстана. С революцией советская власть у него все отобрала, и он лишился своего богатого состояния. С этого времени подвергался различным преследованиям, 13 лет провел в тюрьме «за слово Божие»; был в Соловецких лагерях, откуда пришел весной. И когда вернулся из лагерей домой к своей жене, то его семья, увидев его, вся скорострительно скончалась: умерла жена, дочери, сын. После этого он прозрел, стал еще больше верить в Бога. Седина у него пропала, и если раньше он видел плохо, то теперь может читать без очков совершенно свободно» [1, Л. 144].

В разговоре с другим свидетелем по делу он говорил следующее: «В разговорах о себе Усаченко рассказывал, что он житель села Татарка Одесской области, имел паханую землю и фруктовый сад. Жил очень зажиточно. Отец его был священником, и он сам в течение 15 лет был священником, после чего уверовал в евангелие и избрал баптистскую веру. Будучи пресвитером в Одесской области, в каком году не сказал, был арестован и отбывал наказание в течение 9 лет, но где именно, мне неизвестно. Усаченко говорил об этом нечасто» [1, Л. 150].

По всей видимости, Дмитрий Сергеевич, представив свою биографию Уфимской общине в самом выгодном свете, снискал доверие и популярность, как «опытный, испытанный суровыми испытаниями служитель», и был избран пресвитером общины. Способствовал этому и опыт многочисленных переездов, который выработал в нем умение быстро ориентироваться в новой обстановке. Став пресвитером, он развернул активную деятельность общины. В чем-то имел успех. Однако негативное отношение к советской власти, связанное

с впечатлениями прошлых лет (тюремные заключения, развод жены), в какой-то момент вырвалось наружу. Учитывая публичный характер пресвитерской должности, Усаченко мгновенно привлек к себе внимание и попал в оборот репрессивной машины.

Трагичность ситуации заключалась еще и в том, что его радикализм в определенной степени впитали другие члены Уфимской общины. Например, арестованные по этому же делу А. В. Пугачев, П. Т. Михальченко, в начале 30-х гг. состояли в Николаевской общине евангельских христиан Архангельского района. Живя в атмосфере разгрома евангельского христианства Башкирии (на их глазах был репрессирован пресвитер А. К. Разумов, другие служители региона), они смогли избежать репрессий, возможно благодаря более сдержанной позиции тогдашнего руководства общины. В 30-е годы церковь подвергалась еще более жесткому контролю и преследованиям, чем в 1940-е гг. Но даже тогда из уст осуждаемых на смерть и длительные сроки заключения пресвитеров евангельских общин Башкирии, не исходило радикальных заявлений. В середине же 1940-х гг. из уст обвиняемых слышались слова, явно противоречащие богословию и принятым на тот момент Вероучениям евангельских христиан-баптистов: о конкретных датах прихода антихриста, о сравнении пятиконечной звезды с Вифлеемской звездой. Период 1945–1946 гг. — это время надежды и относительной свободы — не то время, когда революционно агрессивные настроения могли бы быть объективно подогреваемы атмосферой в стране. Церковь только что получила регистрацию, воссоздано общесоюзное объединение церквей (ВСЕХБ). Скорее всего, подобная революционность взглядов арестован-

ных — результат чьего-то субъективного влияния, скорее всего пресвитера, как более авторитетного и «старшего» человека.

Репрессивные органы, в свою очередь, найдя повод «зацепиться», использовали его максимально. В январе 1947 года следствие дополнило обвинение пунктом 11 ст. 58 УК РСФСР (организационная деятельность, направленная на свержение, подрыв советской власти), подразумевающая собрания общины по домам до официального открытия дома молитвы, а также поездки в другие города [1, Л. 32]. Этот пункт обвинения впоследствии был снят, но в процессе следствия под арестом несколько месяцев провели еще четыре члена Уфимской общины евангельских христиан-баптистов.

Итоги судебного процесса: Д. С. Усаченко, Ф. М. Масленников приговорены к лишению свободы на 10 лет; А. В. Пугачев, П. Т. Михальченко приговорены по ст. 58 п. 10 УК РСФСР к лишению свободы на 8 лет [1, Л. 527].

Таким образом, можем видеть, что период относительного религиозного возрождения середины 1940-х гг. в объединении евангельских христиан и баптистов Башкирии неожиданным образом был омрачен громким судебным процессом, спровоцированным недалекновидной политикой приезжего пресвитера Уфимской общины Д. С. Усаченко. Под следствие попали восемь членов общины, четыре из которых получили реальные сроки заключения. Кроме того, обстоятельства этого судебного процесса наглядно показывают острый дефицит подготовленных служителей, с которым столкнулась Уфимская евангельская община.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив УФСБ по РБ. ВФ 8991 Т. 1.
2. Александров А. П. Политика Советского государства в отношении Уфимской общины евангельских христиан в 20–30-е годы XX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010 № 4(16).
3. Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). — СПб., 1997.
4. Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1867–1917). СПб., 1999.
5. Сергеев Ю. Н. Баптизм в Башкирии: очерки истории (конец XIX–XX век). Уфа, 1998.

© Александров Алексей Павлович (alexei.a.p20@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»